

И.А. Герасимова

Проблема недуального мышления в эволюционно-когнитивных исследованиях*

Проблема недуального мышления возникает при обсуждении особенностей архаического мышления и в компаративистских исследованиях западного и восточного стилей мышления. Как правило, с недуальностью связывают такие характеристики, как целостность мышления, отсутствие в стратегиях логического противоречия, не разделение на оппозиции. Во многих исследовательских работах приходят к выводам с одной стороны, о недуальности архаического мышления в отличие от современного мышления, а, с другой стороны, о преимущественном значении недуальных, целостных стратегий восточного мышления, которое в этом случае называют холистическим. В исследованиях по эволюционной эпистемологии тематика недуального мышления активно обсуждалась с применением различных подходов: когнитивно-информационного, эволюционного, логико-методологического¹. В частности, было обращено внимание на множественность смыслов понятия «недуальности»². В работах И.П. Меркулова значительное место отведено исследованию когнитивных особенностей архаического мышления. Опираясь на теоретико-информационный подход, разницу между современным и архаическим мышлением он усматривал в различных

* Работа проводилась при поддержке РГНФ. Научно-исследовательский проект «Взаимовлияние восточной и западной культурных моделей», грант №09-03-00137а.

стратегиях переработки информации³. В своих работах Игорь Петрович поставил немало интересных проблем, которые я предлагаю обсудить в связи с тематикой недугальности.

Игорь Петрович поставил перед собой задачу попытаться выделить универсальные когнитивные характеристики архаического мышления. Отмечая заслуги предыдущих исследователей со стороны антропологии и культурологии, он обращает внимание на факт биологической (когнитивной эволюции). Научные исследования данного предмета во времена написания и выхода фундаментальных работ Л.Леви-Брюля, К.Леви-Стросса и М.Элиаде еще только разворачивались, и их результаты еще не получили широкого распространения. В то же самое время Меркулов отмечает теоретические выводы предшественников в отношении когнитивной эволюции: «Так, например, если для Л.Леви-Брюля “прелогическое” мышление – это мышление сугубо ассоциативное, управляемое законом сопричастности (или “партисипации”), нечувствительное к логическим противоречиям и неспособное к построению силлогизмов, то М.Элиаде прежде всего выделял способность “архаического” менталитета оперировать архетипами, образцами и категориями, сводить индивидуальное к образцовому и т. п.»⁴ Со своей стороны, К.Леви-Стросс, по-видимому, вообще не усматривал в “мифологическом” мышлении и его доминирующих стратегиях каких-либо качественных особенностей. С его точки зрения, в этом мышлении “работает” та же логика, что и в современном научном мышлении. Оказывается, что на всех этапах когнитивной эволюции человеческий разум мыслил одинаково “хорошо”, менялись только объекты, к которым он прилагался⁵. Нетрудно, однако, убедиться, что вышеприведенные когнитивные характеристики, несмотря на их разнородность, разноплановость и кажущуюся несовместимость, все же являются фрагментами единой картины, которая может быть получена в результате попытки взглянуть на архаическое мышление с позиций эволюционно-информационной эпистемологии»⁶.

Меркулов, опираясь на данные антропологов, исследовавших оставшиеся колыбельные цивилизации, выдвинул гипотезу: «в силу своих доминирующих стратегий переработки когнитивной информации архаическое мышление – это мышление преимущественно пространственно-образное, правополушарное»⁷.

При этом он подчеркивал, что речь идет не о способах репрезентации, а о способах переработки информации. На теоретико-информационном языке пространственно-образное мышление отличается холистической стратегией, которая «позволяет сопоставить целостные образы, «гештальты» и создать многозначный контекст (например, мозаичную или калейдоскопическую картину) с множественными «размытыми связями»⁸. Определив таким образом основные свойства холистического пространственно-образного мышления, проясняем вопрос об отношении архаического мышления к логическим противоречиям, в том числе «неспособность к детальной аналитической дифференциации индивидуальных признаков и сохранению их в долговременной памяти; безразличие к логическим противоречиям <...> широкое использование оппозиций (противопоставлений), метафор, мифа как средства разрешения противоречий»⁹.

Игорь Петрович выдвигает гипотезу о преимуществе пространственно-образных стратегий в архаическом мышлении. И делает это достаточно аккуратно, поясняя, что речь идет именно о преимущественных стратегиях, ведь утверждения о правополушарном (пространственно-образном) или левополушарном (знаково-символическом) мышлении, взятых в изоляции друг от друга, есть лишь абстракция. Любое мышление реально представляет собой единый процесс, в котором левое и правое полушария работают совместно, в кооперации. Игорь Петрович пишет: «Поскольку вопрос касается человеческого мышления, то даже в случае первобытных популяций, обладавших, судя по всему, очень ограниченными возможностями вербального общения, речь может идти только о подсистеме единой мыслительной системы человека, интегрирующей дополняющие друг друга когнитивные типы мышления – пространственно-образное и знаково-символическое (логико-вербальное), – между которыми имеют место непрерывный информационный обмен, кооперация и “разделение труда”»¹⁰.

Теоретико-информационный подход в эпистемологических исследованиях позволил расширить горизонты научного поиска, предложив понятийный инструментарий и язык обсуждения феноменов сознания, бессознательного, мышления, которые ранее вызывали трудности. Вместе с тем многие вопросы остаются невыясненными. В их числе – феномен недальности, вопрос о роли

«живого созерцания», роли вербального мышления в процессах адаптации, понимание среды и роли телесности в когнитивных процессах, загадки когнитивного опыта традиций йоги. И наконец, можно ли прогнозировать будущее когнитивного развития?

Внимательное знакомство с восточными философскими учениями, тесно связанными с практиками внутреннего самосовершенствования, приводит к значительной корректировке выводов об архаическом мышлении и мышлении восточных народов. На мой взгляд, многие исследователи неправомерно распространяют гипотезу о холистичности мышления на всю восточную традицию, заявляя о недуральности этого мышления. Исследования философских текстов, особенностей и локальных, и общекультурных практик, приводят меня к выводам о существовании и аналитического, и холистического стилей как на Западе, так и на Востоке, при этом каждая культура вырабатывала свои специфические модели мышления. Возможно, архаическое мышление пользовалось преимущественно пространственно-образными стратегиями, но при этом в особых формах проявлялась и аналитика. Она не была развита как теоретическая, научная рациональность, но была обусловлена телесно-природной средой обитания, и прежде всего необходимостью совершать телесные действия во внешнем мире, действия, которые требовали выбора, четкости представления и исполнения. Ярким примером может служить зороастрийское мировоззрение, логико-методологический анализ которого приводит к выводу о том, что зороастрийский дуализм, исключавший нейтральное между добром и злом, в мышлении использовал стратегии двузначной классической логики с четким выбором одного из начал¹¹. Подобных примеров можно привести немало. Какими же причинами обусловлен выбор той или иной стратегии?

Методологически выделяя аналитический и холистический стили мышления, я исхожу из гипотезы о неразрывном единстве среды обитания и жизнедеятельности, опыта (практики), сознания, мышления, языка. Понятие «среды обитания и жизнедеятельности» включает в себя различные измерения: природно-телесную среду, культурно-традиционную среду, социальную среду. Понятие опыта так же многозначно. Это может быть опыт познания и творчества при направленности сознания вовне, на внешнюю природу и социум, но может быть и опыт при направленности сознания во-

внутри на раскрытие глубинного потенциала сознания (например, в практиках самосовершенствования). В последнем случае среда формируется: в духовном аспекте отношениями учитель(духовный наставник) – ученик, в социальном аспекте – школой мастерства, в природном аспекте – природой осваиваемых глубинных реальностей. Специфика среды и опыта будет определять особенности познавательных и творческих способностей. Сопряженность среды и опыта формирует адаптивно приспособленные тела. В этом смысле можно говорить о средо-теле, средо-тело-сознании. Развивая эти рассуждения, в дальнейшем полезно ввести гипотезу о существовании многих реальностей, каждая из которых соотносена с особыми формами тела-сознания. Окружающий мир, существующий независимо от сознания, будем называть действительностью, а миры, соотношенные с сознанием, реальностями. В последнее время в литературе используют понятия теоретической реальности, художественной реальности, виртуальной реальности и пр., подразумевая при этом, что каждая из них имеет свои законы самоорганизации и может быть соотносена с актуализацией разных аспектов психики в многообразии сочетаний. Сказанное распространяется и на сохранившиеся на Востоке практики духовного ученичества, в которых низшее сознание (ученика) может быть расширено до сознания учителя, продвигаясь в освоении высших уровней психических реальностей. То, что ранее казалось сверхчувственным, на лестнице самосовершенствования может стать чувственным, освоенным и вошедшим в опыт.

В концепции, развиваемой автором, предлагается различать стратегии мышления, опирающиеся на *аналитику*, *диалектику*, и/или *холистический подход*. Аналитика как стиль мышления базируется на стратегиях дискретного, логико-вербального мышления. Анализ как аналитическая операция предполагает разделение противоположностей (аналитическая двойственность), аналитическая операция синтеза соединяет противоположности (двуединство, дополнительность, единство множественного). В диалектике как концепции развития акцент делается на взаимодействии противоположных начал. Холистический подход имеет разновидности: (1) стратегии мышления на основе монады или целостности, в таком случае говорят о последовательном монизме или тождестве противоположностей; (2) стратегии мышления на основе диады,

которые соединяют противоположности и выявляют роль равновесия и нейтралитета (двуединство, дополнительность); (3) стратегии на основе триединства сущностной основы и поляризующихся начал. Дуализм означает принципиальную несводимость одной оппозиции к другой, причем дуализм может иметь холистические трактовки по типу синтеза или дополнительности (дуализм частицы и волны в физике), и нехолистические, когда ярко выражена непримиримость двух начал (точек зрения, позиций) и делается аналитический выбор одного из них. Из сказанного становится ясно, что границы между выделенными понятиями довольно прозрачны, а их конкретный смысл скорее определяется контекстом употребления.

С аналитическим стилем прямо связана установка сознания и опыта *вовне*, на окружающий мир. Опыт, приобретаемый во взаимодействии человека с внешней природой, формирует и развивает когнитивный аппарат, приспособленный именно к этому виду опыта. Относительная устойчивость и дискретность объектов мезоуровня физической реальности соотносится с дискретностью словесной речи, дискретностью и относительной устойчивостью ее грамматических и логических форм. Человеческое сознание воспринимает и понимает смысл главным образом через интеллектуально оформленную речь. При этом осознание достигается путем упрощения, с когнитивной точки зрения связанного с отбрасыванием излишней информации. К достоинствам аналитичности можно отнести кристаллизацию смысла, идеально представимого в четких формах. Относительно медленная работа видимого, поверхностного слоя психики на уровне сознания вполне скоррелирована с дискретным языком. Эволюция аналитического мышления в научном познании рассматривается как смена типов рациональности, тенденции будущего усматриваются в становлении особого синтетического мышления – *синтеза на основе развитого анализа*.

При всем разнообразии холистических стратегий, можно выделить в них общую черту – принцип противоположностей осмысливается в контексте различений единого и множественного, целого и части. В случае бинарной оппозиции уместно говорить о двуединстве или дополнительности. Понятие дополнительности распространяется и на множественность: феноменальное разнообразие собирается сущностным единством, части дополнитель-

ны по отношению друг к другу и к целому. Категории единого и многого в философских дискурсах появились гораздо раньше категории логического противоречия. Можно выдвинуть гипотезу: они привнесены в рациональное мышление при попытках философского осмысления медитативных практик древних посвященных. Этот вывод напрашивается при анализе и мифологических, и философских текстов как Ближнего, так и Дальнего Востока. Представления о единой основе всего сущего входят в *main stream* восточных культурных традиций. Однако, с когнитивной точки зрения, стоит отличать образное обыденное мышление от развитых практик творческого созерцания, непосредственного переживания, понимания, восприятия. Можно научиться во внешнем мире усматривать единство в многообразии, или на философском уровне размышлять о субстанциональности мира, но другое дело – непосредственное переживание единства во внутренних *психических реальностях*.

Высшие смыслы понятия «адепт» в качестве обязательного условия включают: способность сознательного управления всеми внутренними психическими процессами, способность синергии – слияния сознаний в целях саморазвития и сотворчества (как равных по уровню, так и низшего и высшего – ученика и учителя). В последнем случае единство реализуется практически как единение, творческое слияние сознаний, причем без потери индивидуального самосознания. В *main stream* культурной жизни синергия в иной степени представлена в феноменах коллективной мобилизации – интеллектуальной (например, «мозговой штурм»), психоэмоциональной (хоровое пение, ритуальные служения), психоволевой («коллективное усилие в противостоянии врагу»). Можно выдвинуть гипотезу: с глубокой древности понимание значения единства множественного приносилось в обыденное, а затем в философское сознание учителями духовных школ. Постигание единства многообразного достигалось при установке сознания *во-внутрь* в работе с глубинными структурами психики.

Отличительная черта холистического мировоззрения связана с установкой на *энергичное* мировосприятие. Анализ медитативных и телесно-ориентированных практик позволяет сделать вывод о том, что философские установки и принципы восточного мышления закладывались и развивались на психофизической основе

медитативно-ориентированных практик, практики изначально предполагали работу с внутренними энергиями тела и сознания (в контексте восточного менталитета правильнее сказать «тела-сознания»). Энергии регулируются законами, поддерживающими порядок и развитие этого целого. Прежде всего, это *законы гармонии* – согласованности в аспекте структуры (пространства) и согласованности в аспекте ритмов всеобщего движения и эволюции (времени). Категории (глубинного, внутреннего) *покоя* и *неподвижности* берутся за основу, а категория движения становится вторичной. При статическом понимании покой мыслится как готовность к реакции в любое время и в любом месте (например, постоянная бдительность мышления), при динамическом понимании – покой или неподвижность – состояния равновесия при напряжении всех психических и физических сил. Принцип гармонии связан с принципом противоположностей непосредственно: *если нарушено равновесие, то вступает в силу закон действия и противодействия*.

При предпосылке об иерархическом строении и человеческого микрокосма, и вселенского макрокосма, когда изначально имеется высшее и низшее, человек и его жизнь как часть неизбежно должны вписываться в иерархически высшее целое. Встают вопросы гармонии и в отношении к внутренней жизни человека как к целому, и в отношении к социуму как целому, природе как целому, планетарной целостности, видимому и невидимому космосу как целому. Идея *целостности* становится отправной точкой отношения к противоположностям. Там, где целостность распадается на множество несовершенных форм (миры плотно-физической организации) противоположные силы разъединены, конфликтуют между собой, торжествует принципиальный плюрализм, полосы мира сменяются враждой. Для более совершенных сознаний противоположности действуют как части единого целого, дополняя друг друга в сотрудничестве, взаимно обогащаясь творчески. Путь развития духовно совершенных сознаний мыслится как путь синергии, творчества в слиянной согласованности с универсально-космическим целым. Синергичная целостность неразрывно связана с *логикой синтеза*, которую стоит рассматривать как особый опыт творческого мышления (созерцания), выводящего (и сводящего) все многообразие проявленного мира из *единой сущности* (в

единую сущность), содержащую все потенции проявления. На самом высшем уровне сознание адепта духовной школы восходит до переживания первоосновы мироздания, осмысляемой в восточных философиях в понятиях «чистоты» или «пустоты» – состояния сознания без форм. Это уровень абсолютной недвойственности или тождества противоположностей.

Представленные в культуре *стратегии диалектики*, по сути дела, представляют собой применимость энергийного холистического мышления к противоположностям: *два противоположных начала взаимодействуют, порождая третье*. В западной традиции философствования, сформированной диалектическими учениями о развитии, полнота осмыслялась через закон противоположностей. В гегелевском учении взаимодействие противоположностей было доведено до состояния конфликта, борьбы. Закон противоположностей провозглашал истинность единства и борьбы противоположностей. Высшая фаза конфликтности была названа Гегелем (диалектическим) противоречием. Далее марксистско-ленинское учение еще более сгустило акценты на конфликтности. Если сам основатель диалектического учения борьбу заканчивал примирением противоположностей, то революционный настрой марксистско-ленинского учения приводил к акценту на перманентной борьбе. В истории философии находим мысли о полярности как законе жизни, движения, развития. В процессе постоянного развития возможна и борьба, и примирение противоположностей. Акцент на борьбе скорее всего можно объяснить несовершенством жизненного уклада: несовершенством социальной жизни, дисгармонией с природой, наблюдаемыми природными катаклизмами, а также неразвитостью способности управления внутренне-психологическими состояниями и энергиями. Духовная традиция в философских учениях утверждала закон полноты в формулировке закона единства многообразного, связывая единое и многое (разнообразие). Единое мыслилось как первооснова, первоимпульс, глубинное целое, организм. Многое мыслилось как жизненный поток творчества, разнообразие жизненных форм, части целого, элементы системы, органы и функции организма. Идеи монизма, целостности, системности взяты на вооружение современной наукой. Ярким выражением устремления к целостности явился принцип

дополнительности в научном мышлении. Но еще с древнейших времен целостность осознавалась в духовных практиках. Учения о единой бескачественной первооснове бытия, чистом сознании зарождались в недрах медитативных практик и вели к утверждению неочевидной для обыденного сознания идеи тождества противоположностей в чистом бытии (чистом сознании). А.Ф.Лосев приходит к выводу о преобладании идеи единства в раннегреческой философии и акценту на разнообразии в позднейших философских учениях. Идея разнообразия доминировала в большинстве социально- и культурно-ориентированных учениях, но в учениях, получавших питание от духовных практик, продолжала утверждаться идея единого (линия орфиков, Гераклита, Пифагора, Платона, Плотина). Развертывание научной рациональности на Западе было сопряжено с формированием и развитием логико-аналитического мышления, основой которого явилась раздельность, и как следствие, проявлялась особая чувствительность к логическому противоречию. На восточный уклад культуры и формы мышления воздействие философских учений о едином оказалось более влиятельным. Веданта и культура Индии (в целом) – яркий пример воплощения идеи тождества противоположностей. Книга перемен, даосизм и конфуцианство задали каноны китайской холистической диалектической традиции с преобладанием принципа дополнительности. Многие исследователи отмечают коллективистский характер восточного уклада жизни и мышления. Можно усмотреть подспудное влияние идеи единства разнообразного на культуру целых народов. Неправоммерно делать поспешные выводы об отсутствии аналитики на Востоке: обыденное и теоретическое мышление существенным образом опирается на интеллект, но идея единства разнообразного прочно заложена в основаниях восточных культурных традиций.

В логико-методологической литературе понятию «противоречие» придается четкий смысл, который сформулирован еще Аристотелем. Аристотель различает противоположности (*enantia*) и особый вид противоположностей, который он называет противоречием (*antiphrasis*). Противоположности имеют между собой нечто среднее, а противоречие – нет. В аристотелевском учении закон противоречия распространяется на бытие в действительности, но ограничен в отношении бытия в возможности.

Логическая традиция на Востоке складывалась с перенесением акцентов на вероятное и возможное (а не достоверное), на конкретное (ситуативное, окказиональное), а не общее, если сравнивать с развитием классической европейской рациональности. Так, в суфийской традиции придавалось большое значение воспитанию умения воспринимать целостность и богатство конкретной ситуации. Легендарный Ходжа Нассреддин высмеивает абстрактные, отвлеченные формулировки истины, настаивая на ее конкретности и относительности, соотнесенности со временем, местом, говорящим, слушающим и пр. Эта установка на конкретность сочеталась с принципом единства многообразного. В духовной суфийской традиции борьба с догматизмом и воспитание гибкого творческого мышления, сочетающего спонтанность с дисциплинированностью, мыслились как путь к самосовершенствованию¹².

То, что на Западе, считается неспецифичным, выходя на периферию *main stream*, на Востоке вполне законно. В дзен-буддизме особые логические конструкции коаны преследуют цель «размонтировать» мышление, выйти на иные уровни сознания (в иные психические реальности). Оговоримся, что европейский интеллект, воспитанный в аналитических и диалектических традициях, вполне правомерно усматривает в школьных традициях Востока, в отношении к противоположностям, сходные с западными стратегии мышления¹³. Но имеются и оригинальные модели. В буддизме Махаяны парадоксальная («незнаковая») логика призвана вести к осознанию мысли о существовании «запредельной мудрости» (праджняпарамита) «чистого сознания», состояний вне форм. Поясняя буддийское учение, исследователь Торчинов обращает внимание на его существенную черту¹⁴ – особое понимание срединного пути. Закон исключенного третьего не действует в самой предельной трансцендентной реальности, в рассуждения вводится особая область – промежуточная между крайними позициями 'А' и 'не А'. Эта промежуточная область – середина – не является промежуточной в смысле линейного свойства, когда плавно переходят от одного противоположного полюса к другому. Эта область, находящаяся за пределами всякой возможности обозначения, служит указанием того направления, к которому должен стремиться буддист, желающий уйти от феноменального. Отсюда название – «незначная логика», или логика, уводящая от знаковости.

В контексте компаративистских исследований по-новому встает вопрос о законах логики. В научных спорах этот вопрос звучал так: являются ли законы логики эмпирическими, соотнесенными с внешним опытом в объективно данном физическом мире? Или же законы логики – теоретические утверждения, регулирующие интеллектуальную деятельность, осуществляемую с помощью языка? Предпосылками такой постановки вопроса служит фиксация опыта во внешнем, физическом окружении, утверждение о существовании теоретической реальности и соответствующих способностей, обслуживающих этот опыт. Но в буддизме Махаяны конструктивная логическая способность используется для указания на возможность трансцендентного опыта (трансцендентного для *main stream культуры*). **Небезынтересно обсудить вопрос о природе законов логики, сравнив позицию Махаяны с позицией русского логика Н.А.Васильева (1880–1940).** Мыслитель утверждал, что он занимает промежуточную позицию в спорах о природе логических истин, полагая, что некоторые законы относительно, а другие – нет. Васильев показывает, что закон противоречия имеет два различных смысла. Он используется в отношении суждений: ни одно суждение не может быть одновременно истинным и ложным. В другом смысле этот закон говорит о невозможности одновременного утверждения и отрицания, в таком случае речь идет о вещах и явлениях. Ощущения, связанные с эмпирическим опытом всегда положительны по существу, *язык телесных ощущений недвойствен*. Скажем, когда говорят, что эта вещь не белая, то восприятие нам дает образ вещи иного цвета, но не белой. Васильев предлагает различать эмпирический и теоретический уровни закона противоречия. Наука XX в. осознала возможности теоретического конструирования, высокой степени независимости мира идей от физического восприятия вещей. Эта тенденция коснулась и логики. Свою систему Васильев назвал воображаемой логикой. Она выстраивается по законам теоретического конструирования, прямо не связанным с эмпирическим опытом. В концепции Васильева эмпирическая реальность недвойственна, в учении Махаяны трансцендентальная реальность также недвойственна, двойствен язык логики. Законы логики подчиняются нормам теоретического конструирования в западной ментальности (этому соответствует план мыслеформ и мыслеобразов в иерархии ре-

альностей буддизма), во внешней эмпирической практике теоретическое конструирование переходит в инженерию – объективацию конструкций. В учении Махаяны процесс теоретизирования выводится в противоположное направление: любое оперирование представлениями-понятиями снимается в самом предельном трансцендентном опыте. Психореальность мысли выступает общим знаменателем и в отношении к объективной реальности, и в отношении внутренних психореальностей. За восприятие двойственности отвечают ментальные процессы с сознанием, ориентированном вовне, на внешний мир.

Вопрос о сущности «живого созерцания» остается открытым. В восточных философских учениях этот вопрос, видимо, понимается иначе, чем в эволюционно-когнитивной парадигме. Игорь Петрович оспаривает точку зрения, согласно которой «только пространственно-образное мышление, «живое созерцание» позволяет воспроизводить структуры внешнего мира во всей его полноте, многозначности, целостности и противоречивости, что наиболее полный чувственный контакт с реальностью крайне необходим для эмоциональной стабильности когнитивного субъекта. Основанием для подобного рода утверждений служит некая «предметная отнесенность» перцептивного образа, в котором якобы оказывается «представленной» (хотя и неясно, как и каким образом) сама «объективная реальность». Однако данные нейронаук и когнитивной науки свидетельствуют о том, что наш мозг – это не фотоаппарат и не видеосъемка, он не «отражает», а главным образом «вычисляет». На основе многочисленных сигналов, извлекаемых из окружающей среды и нашего собственного организма, он создает когнитивную информацию, перерабатывает её в перцептивные образы, представления и прототипы». Перцептивное мышление филогенетически первично, но из этого вовсе не следует вывод о его безусловном когнитивном преимуществе, считает Меркулов. «В противном случае остается открытым вопрос, почему же в ходе биологической (когнитивной) эволюции гоминид у них возникла речевая коммуникация и «вторичное» кодирование мысли с помощью звуковых символов. Почему столь быстро по историческим меркам эволюционировали человеческое знаково-символическое мышление и символьное (вербальное) сознание? Ведь в ходе эволюции приспособленность видов (в том числе и человека) не мо-

жет неуклонно снижаться, это означало бы их верную гибель». Если свести «живое созерцание» к перцептивному мышлению, которое обнаруживает современный человек, то доводы Меркулова покажутся правдоподобными. Но в духовных практиках с «живым созерцанием» связывают мышление символами или образами глубинной психореальности, постигаемой в состоянии медитации. При этом переживаемая внутренняя реальность оказывается «двойником» объективной реальности. Психологи пытаются этому феномену дать объяснение, введя понятия эйдетического воображения, эйдетической памяти, эйдетического мышления. Для эйдетического мышления внутренняя реальность образов переживается ярче, богаче и насыщенней, чем при внешнем восприятии. Сознание, воображение, восприятие в эйдетической реальности работают в ином режиме. Адепты магии добивались яркости образов с детализацией индивидуальных признаков, чего не обнаруживает перцептивное мышление обычного человека. Яркость образов была необходимым компонентом успешности действия, которое производилось силой мысли во внутренней реальности. Энергия мысли внутреннего плана была способна провоцировать действия во внешнем плане.

Современному человеку лучше понять этот эффект, если от магии обратиться к творчеству гениев человечества.

«Почему так быстро эволюционировало знаково-символическое (левополушарное) мышление? – ставит полемический вопрос Игорь Петрович». Скорее всего, именно этот тип мышления был востребован в приобретении опыта жизни во внешней среде. Сегодня никто процесс эволюции не считает линейным. Возможно, развитие левого полушария и знаково-символического, логико-вербального мышления, в общей эволюции человека составляет лишь закономерную ветвь. Логико-вербальный этап эволюции связан с «отработкой» сознания в союзе с кристаллизованным в формах, ясным и четким мышлением. А что далее? Возможен циклический возврат к утерянной живой чувствительности, но уже в новых условиях – при расширенном сознании. Вполне допустимо прогрессивное развитие иных комбинаций мозговой активности.

Примечания

- ¹ См.: Противоречие и дискурс. М., 2005; Противоположности и парадоксы. М., 2008.
- ² Герасимова И.А. Многоликая двойственность (Методологический анализ культурных контекстов) // Противоположности и парадоксы. М., 2008.
- ³ Меркулов И.А. Когнитивные способности. Гл. V: Архаическое мышление // Противоречие и дискурс; Меркулов И.П. Эпистемология: В 2 т. Т. 1. Гл. 5: У истоков познания. СПб., 2003.
- ⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа первобытного мышления. М., 1937; Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
- ⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 207.
- ⁶ Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 91.
- ⁷ Там же. С. 92.
- ⁸ Там же. С. 93.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 94.
- ¹¹ Герасимова И.А. Человек в мире двойственности // Противоположности и парадоксы. М., 2008.
- ¹² См.: Шах И. Учиться как учиться. Психология и духовность на суфийском пути. М., 1999.
- ¹³ Майданов А.С. Коаны чань-буддизма как парадоксы; Майданов А.С. Коаны: стиль и смысл // Противоположности и парадоксы. М., 2008.
- ¹⁴ Торчинов Е.А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты (на примере «Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутры») // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986.